

А.В. ЛУБСКИЙ

Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI века

Историк "вычитывает" из текста всегда более того,
на что текст его уполномочивает.

Л.П. Карсавин

В рефлексирующем историческом сознании уже существуют образы классической и неклассической историографии [Вжосек, 1995; Кузеванов, 1996; Ионов, 2004; Аникеев, 2005]. Значительная литература посвящена распространению постмодернистских идей в исторической науке [Анкерсмит, 1996; Кравцов, 2000; Рюзен, 2001]. Что касается неоклассической модели исторического исследования, то она еще не стала предметом научного дискурса, а между тем выделение этой модели обусловлено логикой развития когнитивных практик в историческом познании. Если вначале возникла классическая модель исторического исследования, затем сформировалась его неклассическая модель, то в соответствии с логикой развития следующая стадия – неоклассическая модель как синтез всех предшествующих когнитивных практик в историческом познании.

Культурно-эпистемологический контекст

Неоклассическая модель исторического исследования – порождение культуры неоглобализма, в рамках которой сложилась новая концепция мироцелостности. Основу этой концепции составляют теории "культурного плюрализма" и те теории глобализации, которые постулируют позитивную связь между процессом глобализации и культурной разнородностью мира. В культуре "неоглобализма" глобальное целое выглядит как противоречивое, конфликтное и альтернативное образование, а динамика глобальной общности предстает как результат наложения и столкновения множества различных траекторий или ансамбль траекторий. В рамках культуры неоглобализма сформулированы и определенные принципы познания этого целого, имеющие преимущественно методологический характер, совокупность которых получила название нового универсализма.

Методология нового универсализма предполагает видение глобального целого как образования, в котором процессы глобализации и локализации разворачиваются одновременно и взаимонеобходимо, где глобальное формирует локальное и наоборот.

Лубский Анатолий Владимирович – доктор философских наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Такая интерпретация методологии нового универсализма выражает сущность глобальной логики, интегрирующей локальное разнообразие [Чешков, 1999, с. 93–102].

Культура "неоглобализма", базирующаяся на методологии нового универсализма, характеризуется, с одной стороны, активизацией дихотомического стиля мышления, а с другой – стремлением к синтезу разных "оппозиций": глобального и локального, универсального и уникального, гомогенного и гетерогенного, социоцентристского и антропоцентристского, социологистского и номиналистского.

Неоклассическая модель исторического исследования формируется в условиях когнитивной ситуации, сложившейся в исторической науке на рубеже XX–XXI вв. Ранее на протяжении XIX–первой половины XX в. историческая наука занимала ведущие позиции в социально-гуманитарном познании. Ее важнейшей функцией было производство достоверных знаний о прошлом как историческом опыте и формирование на этой основе исторического сознания как способа приобщения к исторической традиции. При этом историки гордились своей объективностью, не особенно сознавая свои предрассудки.

Во второй половине XX в. в историческом познании появилось много новых когнитивных практик: 1) феноменология и неклассическая герменевтика, предложившие теории понимания и интерпретации; 2) "лингвистический поворот", в рамках которого теория познания была заменена теорией значения; 3) постмодернизм, объявивший стремление к истине атрибутом мифологического сознания и предложивший когнитивную практику интертекстуальности и деконструктивизма. В результате наступил, как полагают некоторые исследователи, затяжной эпистемологический кризис, "поставивший под сомнение саму веру в неизменность и доступность прошлого, скомпрометировавший возможности исторического постижения и подорвавший нашу способность определять себя во времени" [Harlan, 1989, p. 881].

Историческая наука оказалась на распутье: одни соблазняют ее прелестями постмодернистской вседозволенности; другие зовут вернуться к Геродоту; третьи требуют достоверности и точности; четвертые предлагают выработать новые стандарты научной деятельности. Историческое познание превратилось в "ярмарку идей", когнитивное поле многообразных мнений и интертекстуальных "языковых игр", в результате которых историческая реальность растворяется во множестве теоретических конструкций и ценностных концептов, смысловых миров и метафорических значений.

В настоящее время в исторической науке сложилась особая когнитивная ситуация, которая характеризуется мультипарадигмальностью исторического познания и переходом от монистической интерпретации исторической реальности к плюралистической. Отчетливо проявились два подхода: представители одного из них обнаруживают стремление к сохранению методологических традиций объективистского характера, представители другого – все активнее используют методологические идеи субъективистской эпистемологии. Сторонники первого подхода, испытывая сильное влияние классического методологического "наследия", обеспокоены в первую очередь поиском методологии, позволяющей получать полную и достоверную информацию о прошлом и закономерностях его развития. Сторонников второго подхода волнует утрата "человека в истории", и поэтому развитие исторической науки они связывают с утверждением в ней неклассической, "понимающей" методологии и "парадигмы ценностей".

В последней трети XX в. в исторической науке определенное распространение получили эпистемологические идеи постмодернизма. Это было обусловлено тем, что первоначально он воспринимался некоторыми историками как интеллектуальное течение с явно выраженной гуманитарной направленностью, отказавшееся от жесткого сциентизма позитивистской теории познания. Таким образом постмодернизм стал отождествляться с антропологическим походом в исторической науке. Только в 90-х гг. прошлого века появились работы, в которых постмодернизм начал рассматриваться в русле преодоления модернистских норм мышления и связываться со стратегиями постструктурализма и деконструктивизма, отказом от субъектно-объектной дихотомии. Однако такая трактовка постмодернизма обесценивала практически все профес-

сиональные навыки, которыми гордились ученые, поэтому их реакция на распространение постмодернистских идей в исторической науке в целом стала более чем сдержанной.

В условиях парадигмальной конкуренции развернулась борьба между рассудочно-социологическими и экзистенциально-антропологическими теориями исторического познания. Рассудочно-социологические теории, пытаясь придать истории статус "строгой науки", стремятся элиминировать субъект исторического познания и представить субъектно-объектные отношения в нем через все более жесткие абстракции. Экзистенциально-антропологические теории, наоборот, стремятся не только сохранить субъект исторического познания, но и представить его в теории познания как целостность, в единстве мышления, чувствования и деятельности [Микешина, 2002, с. 49–51].

В рамках рассудочно-социологической эпистемологии господствует принцип монистической интерпретации исторической реальности. Исследователи, придерживающиеся этого принципа, признают возможность получения такого исторического знания, которое бы полностью соответствовало изучаемой исторической реальности, обеспечивая тем самым однозначность содержания объективно-истинного знания. Это порождает оптимизм относительно построения единственно верной исторической теории, доводы которой окончательны и беспорны.

Принцип монистической интерпретации исторической реальности предполагает, что только одна из конкурирующих теорий обязательно должна быть истинной, а остальные ложными. В связи с этим ученые, исповедующие данный принцип, всегда претендуют на монопольное обладание научной истиной. При монистической интерпретации исторической реальности, как правило, абсолютизируются возможности какого-то одного способа ее интерпретации, тогда как все другие считаются ограниченными или ложными.

Надо отметить, что возможности различных монистических интерпретаций исторической реальности достаточно велики, ибо с их помощью были достигнуты довольно значительные успехи в историческом познании. Однако в его ходе неизбежно возникают когнитивные ситуации, порождающие проблему методологического выбора. В рамках монистического подхода возможность такого выбора отсутствует, ибо в качестве научного признается только один – универсальный – способ интерпретации исторической реальности. Ученые-монисты всегда рискуют остаться в рамках частичной интерпретации, поскольку каждая из монистических интерпретаций исторической реальности рассматривает только определенный ее срез. Тем самым исследователи-монисты фактически отказываются принимать во внимание те исторические факты, которые в рамках их теоретических построений оказываются несущественными. Однако, абсолютизируя когнитивные возможности своих частичных интерпретаций, они стремятся выдать их за единственно возможные теоретические реконструкции исторической реальности.

В рамках экзистенциально-антропологической эпистемологии доминирует принцип плюралистической интерпретации исторической реальности. Согласно ему, историческая реальность может мыслиться в многочисленных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный "наблюдатель" (в широком смысле – научное сознание определенного сообщества) [Гуц, 2000, с. 25].

Методологический смысл принципа плюралистической интерпретации исторической реальности состоит в том, что в конкретной когнитивной ситуации применяется специфический, ориентированный на решение определенного класса исследовательских задач, способ ее изучения. Поэтому в ходе исторического исследования ученый, учитывая специфику его предмета и характер познавательных задач, сознательно выбирает те способы их решения, которые должны дать, по его мнению, необходимый научный результат. При этом в зависимости от специфики предметной области и задач исследования ученый легко переходит от одного типа интерпретации к другому, меняя методологические позиции. Вместе с тем принцип плюралистической интерпретации исторической реальности содержит требование, согласно которому любая

из удачных ее интерпретаций является ограниченной и поэтому не может быть экстраполирована в качестве универсальной методологии на весь процесс исторического познания. Таким образом, ученый-плюралист рассматривает дополнительную различных методологий как универсальный принцип исторического исследования.

В условиях парадигмальной конкуренции в современном историческом познании обнаруживаются две тенденции: методологический сепаратизм и методологический плюрализм. Методологический сепаратизм, с одной стороны, воспроизводит традиции монистической интерпретации исторической реальности, связанные с признанием в качестве научного только одного – универсального – способа ее изучения. С другой стороны, он сопровождается гносеологическим ригоризмом, то есть решительным неприятием других возможных способов осуществления научно-исследовательской деятельности в исторической науке. Методологический плюрализм, напротив, рассматривает многообразие способов осуществления научно-исследовательской деятельности в исторической науке как положительное явление, свидетельствующее о ее нормальном развитии.

Методологический плюрализм в историческом познании основывается на принципах дополнительности и альтернативности: 1) относительно любого предмета исторического исследования можно поставить множество познавательных задач, приоритетность которых зависит от методологического сознания исследователя; 2) при решении определенного класса познавательных задач могут быть использованы различные исследовательские средства, но при этом применяется, как правило, тот способ их решения, который обеспечивает необходимый научный результат в рамках определенной познавательной парадигмы.

Одной из особенностей сложившейся когнитивной ситуации в исторической науке является то, что "в современном научном мире, как подчеркивают некоторые исследователи, почти не осталось серьезных историков, которые бы с такой страстью, как еще совсем недавно, отстаивали тезис о возможности и необходимости единого подхода к истории, отражающего одну, единственно верную историческую теорию, способную охватить и передать весь широкий спектр многообразного и многослойного мира истории с его разнообразными особенностями, сложностями и противоречиями, не поддающимися никаким, даже самым основательным и тщательно продуманным, единым схемам и моделям развития" [Искандеров, 2005, с. 17].

Переход от монистической интерпретации истории к плюралистической соответствует той эпистемологической тенденции, в которой наука открывает для себя множество реальностей, и движение идет от одной-единственной истины и одного изначально данного мира к процессу порождения многообразия подлинных и при том конфликтующих миров как самодостаточных и внутренне согласованных реальностей. В свою очередь признание множественности версий мира в различных концептуальных системах делает невозможным существование какого-либо полного описания реальности [Ищенко, 2005, с. 3–7].

В сложившейся когнитивной ситуации формируется новый тип методологического сознания историка. В нем актуализируется вопрос о том, как в субъективном "мире" научного исторического знания обнаруживает себя объективный "мир" исторической реальности; постепенно преодолевается "жажда объективности", свойственная рассудочно-социологической эпистемологии, и формируется представление о том, что "мир прошлого" становится реальностью в соответствии с познавательным контекстом. Поэтому историческое познание начинает рассматриваться как конструирование "мира прошлого", а историческое знание – как книга о "реальности прошлого", пишущаяся вновь и вновь в языках тех или иных культур и исторических эпох.

Наиболее существенные характеристики нового методологического сознания состоят в следующем: 1) история как внешний для исследователя "мир прошлого" сама по себе не дает никаких гарантий адекватности исторического знания; 2) об исторической реальности можно говорить на разных языках, в контексте различных теорий, с учетом различных риторических стратегий и перспектив; 3) историческое исследова-

ние обусловлено стилем мышления сообщества, к которому принадлежит ученый, и его методологическими установками; 5) исследователь, веря в целесообразность (или смыслообразность) реального мира, создает картину истории в виде системы когерентных понятий и логически непротиворечивых умозаключений, так что, будучи поставленной на место реального "мира прошлого", эта картина посылает такие же личные его "послания", как и сам "мир"; 6) исторические знания как результат исследования всегда обусловлены культурно-эпистемологическим контекстом и отмечены схематизмом, на основе которого они транслируются; 7) исторические знания, будучи репрезентациями "мира прошлого", не являются его "репродукциями", "отражениями", поскольку несут на себе "почерк" познающего; 8) исторические знания, зависящие от контекста и перспективы, имеют статус конструкций, они концептуально относителны, их нельзя *a priori* защитить от скептических возражений; 9) исследователь, создавший определенную "картину истории", может утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что он в действительности познал некую сторону реального "мира прошлого", хотя это утверждение не может быть никогда прямо доказано.

В рамках такого методологического сознания историческое исследование приобретает онтологическую "скромность": оно утрачивает историю "саму по себе" в той мере, в какой историческая реальность трансформируется в знаки, символические формы и тем самым в разные "картины истории", из которых ни одна не может быть признана единственно правильной. "Мир прошлого" начинает встречать нас в разных ипостасях, которые исследователи выбирают для конкретной научной "встречи" [Зандкюлер, 2002, с. 88].

Постмодернизм и неоклассическая модель исторического исследования

Неоклассическая модель исторического исследования стала формироваться в качестве "ответа" на эпистемологические вызовы постмодернизма, связанные с покушением на профессию историка и социальный статус самой исторической науки [Володин]. Вызовы постмодернизма, как отмечают исследователи, сформировали вполне определенный тип реакции историков-профессионалов. Забыв о внутрикорпоративных разногласиях, они сосредоточились на образе "постмодернизма" как угрозе интеллектуальной деятельности вообще и профессиональной историографии особенно [Кравцов, 2001, с. 194–195]. В связи с этим со стороны неоклассиков стали подвергаться серьезной критике следующие основные идеи, привнесенные постмодернизмом в историческую науку.

1. *Идея конструктивизма в историческом познании.* Ее суть в том, что историческая реальность производится множеством видов социокультурной практики, а истинность или ложность исторических знаний зависят от социальных контекстов, в которых они производятся. Поэтому неоклассики критикуют постмодернистские тезисы о том, что: "историзм мертв и его нельзя больше считать серьезным интеллектуальным явлением"; "мир вне культуры и общества не играет никакой роли в процессе конструирования знания"; "вне текста не существует ничего" и нет "никакой внеязыковой реальности", которую историки способны понять и описать. Неоклассики критикуют постмодернистов и за провозглашение языка посредником культуры, в котором реальность конструируется и создается, в результате чего исторические практики представляются "сценариями культуры", а точнее – дискурсивными наборами символических систем. В целом критикуется отказ постмодернистов от реконструкции с помощью научных методов, истории, "какой она была", и от возможности получения объективно-истинного знания о ней.

2. *Релятивистская идея.* Согласно ей, истинность исторического знания определяется не отношением между знаниями и исторической действительностью, а соответствием исторических знаний социально санкционированным понятийным схемам и, в конечном счете, общей системе идей, образующих конкретную культуру. Критике подвергаются постмодернистская концепция исторического знания, базирующаяся на

положении о возможности многовариантных прочтений документальных "остатков" прошлого, а также положение о том, что каждый из историков имеет право на собственный взгляд, и поэтому "истории", которые они рассказывают, – всего лишь субъективные предпочтения, взятые из бесконечного множества возможных интерпретаций исторических источников.

3. *Эпистемологическая идея.* В ней историческое познание трактуется всего лишь как дискурсивная практика, позволяющая историкам в качестве представителей определенных политических позиций, связанных с текущим моментом, "отправляться в прошлое, думая о современности, копаться там и перестраивать его в соответствии со своими потребностями", используя идеологизированный язык. Неоклассики критикуют постмодернистский презентизм и концепт гуманитарного дискурса, который создается в соответствии с определенным языком, выбранным жанром и "режимом истины" ради культурного сообщения.

4. *Постмодернистская идея.* Исторические труды представляют собой вид литературного творчества, который, как и любой жанр, функционирует в рамках определенных риторических правил, и поэтому характер исторического произведения определяется не столько принципами научного исследования, сколько эстетическим выбором автора, формирующего дискурсивную стратегию исторического текста.

5. *Когнитивная идея.* Внимания историков достойны только единичные исторические факты. Поэтому неоклассики критикуют постмодернизм за утрату холистского восприятия исторической реальности, за "рассеивание" и "фрагментаризацию" истории.

6. *Идея о "разрыве" между прошлым и настоящим.* Согласно этой идее современность не такова, какой ее "сделала" история, а новая реальность есть преодоление прошлого. Неоклассики критикуют такое представление постмодернистов о связи истории с современностью, поскольку это делает профессиональное изучение истории занятием социально малозначимым.

Критика классической и неклассической моделей исторического исследования

Неоклассики подвергают критике не только постмодернизм в исторической науке, но и всю предшествующую историографию за то, что различные ее течения жестко придерживались социологистско-номотетических или номиналистско-идеографических принципов. Это, по их мнению, приводило к одностороннему изучению истории в рамках классической и неклассической моделей исторического исследования. Неоклассики подвергают критике некоторые, на их взгляд, устаревшие методологические установки классической исторической науки, такие как:

- стремление "консервативных традиционалистов" сциентизировать историческую науку по образцу естествознания, элиминируя специфику исторического познания;

- представления о том, что предметом исторического исследования, если оно стремится быть научным, должна быть только надындивидуальная историческая реальность. Иначе говоря, они критикуют установку в исследованиях истории на приоритет социальных явлений перед индивидуальными, "мертвых" социальных структур и процессов перед "живыми" социальными коммуникациями, объективных факторов перед субъективными;

- постулат классической исторической науки о том, что достойным внимания исследователя является лишь общее и закономерное, а изучение единичного и уникального в истории не может быть признано научным;

- представления об истории как о прогрессивном движении к единому рационально устроенному будущему через преодоление многообразия исторических форм. То есть они пытаются преодолеть методологию однолинейного прогрессизма, предполагающую, что каждое отдельное человеческое сообщество идет по пути, общему для всех, в русле единой линии мирового прогрессивного развития, ориентиры которого задаются наиболее развитыми странами;

– взгляд на современность как на закономерный результат предшествующего исторического развития, а также положение о том, что реконструкция прошлого позволяет логически увязать историю с современностью, а опыт прошлого использовать в современной общественной практике;

– противопоставление субъекта и объекта исторического исследования, построенное на абсолютизации позиции историка как "нейтрального наблюдателя". Неоклассики считают принцип "нейтральности" методологически не осуществимым; поскольку в реальной научной практике жесткое отделение исторических фактов от ценностей просто невозможно;

– крайний объективизм классической исторической науки, отвергающий всякую структурирующую роль текста и языка в историческом познании и позволяющий придавать историческим знаниям статус научных истин;

– положение о том, что основной исторический исследования являются научные факты из прошлого, достоверность которых (адекватность исторической реальности) устанавливается методом критического анализа исторических источников, когда историк играет второстепенную роль по сравнению с существующими фактами, которые "говорят сами за себя";

– стремление к заимствованию теорий из разных социальных наук и использование их в качестве объяснительных конструктов в исторических исследованиях;

– представление о методологическом плюрализме как эпистемологическом недостатке исторической науки. Стремление в рамках когнитивного монизма к созданию универсальных теорий, с помощью которых можно было бы объяснять любые исторические явления.

В целом неоклассики критикуют представителей классической науки за то, что последние, выступая против постмодернистской академической моды, фактически проповедуют новейшую форму "когнитивного абсолютизма", в котором научная нейтральность и объективность выходят за пределы человеческого действия и приобретают форму религиозной веры. Неоклассики также подвергают критике односторонность таких методологических оснований неклассической модели исторического исследования, как:

– идеографическая когнитивная стратегия истории и естествознания;

– представление о том, что предметом исторического исследования может быть только индивидуальная историческая реальность как совокупность индивидуальных исторических явлений;

– абсолютизация субъективного фактора в истории, сделавшая предметом исторического исследования цели, мотивы и ценности человеческого поведения и игнорирующая объективные условия жизнедеятельности людей;

– идея "атомизации" и казуальности истории и связанную с ней утрату холистского представления о прошлом как системе причинно-следственных и ситуационно-факторных связей;

– сужение в неклассической науке масштаба видения исторической реальности, ее понимания и эмпирического освоения до уровня истории повседневности;

– сведение истории к культуре, положившее начало такому направлению исторических исследований, как "культурная история", что привело в исторических исследованиях к утрате научного языка и замене его суждениями в русле "здорового смысла".

В целом неоклассики, подвергая критике методологическую односторонность неклассической модели исторического исследования, считают, что субъективизм и релятивизм в исторической науке усугубились в связи с популярностью в ней социокультурной проблематики, приведшей, по существу, к отказу от объективно-каузального объяснения исторических событий. При этом неоклассики акцентируют внимание на эпистемологической связи неклассической модели исторического исследования с постмодернизмом.

Когнитивные принципы неоклассической модели научного исследования

Неоклассическая модель исторического исследования предполагает синтез различных когнитивных оппозиций на основе преодоления антитезы сциентистской и гуманистической тенденций, рассудочно-социологического и экзистенциально-антропологического подходов, "макро- и микроистории, системного и динамического видения исторического процесса" [Репина, 1998, с. 43].

В частности, преодолевая односторонности антропологического и социологического подходов в исторической науке, неоклассики предлагают идею "третьей книги" (*ghost of a potential third book*), которая должна объединить исследовательские практики, тяготеющие как к микроистории и нарративу, так и к макроистории и анализу [Володихин]. При этом подчеркивается, что связь между микро- и макроуровнями социальной реальности следует понимать не только как взаимодополняющее, но и как исторически меняющееся отношение "единения" и несовпадения. Речь идет не о простом "сложении" равноправных подходов, а о "разработке качественно новых методологий, способных держать в своем фокусе не только (и не столько) объективные и субъективные параметры бытия, а способ их взаимодействия" [Ким, 2002, с. 39].

Неоклассики считают, что историк должен изучать не только единичные действия и создаваемые ими факты исторической повседневности, существующие непосредственно *hie et nunc* и принадлежащие миру микроистории, но и большие структуры, процессы макроисторического характера, целостный охват которых невозможен без определенных познавательных процедур, улавливающих движение истории во времени и пространстве. Это предполагает разработку многомерных методологических конструкторов, которые базируются, с одной стороны, на разноуровневом и разномасштабном видении исторической реальности, а с другой – на синтезе "положительных" когнитивных установок классической и неклассической моделей исторического исследования с учетом всего того научно-рационального, что содержится в постмодернизме.

Неоклассики утверждают, что между прошлым и его образом в глазах историка существует определенная связь, возникающая в контексте диалога между историком и изучаемой исторической реальностью. Неоклассики не согласны с постмодернистами в том, что в научном дискурсе отражаются только наши собственные концепты и конструкторы, а сама историческая действительность имеет весьма слабый референциальный статус. Вместе с тем, рассматривая научный диалог как дискурсивное моделирование исторической реальности, неоклассики признают, что в историческом исследовании немалое значение имеют эпистемологические фильтры, опосредствующие интерпретацию его предмета [Мальковская, 2003, с. 79].

В этом плане научный диалог оказывается выражением онтологической сопряженности в историческом исследовании объективного и субъективного, осуществляющейся посредством симулякров, или паттернов различного уровня. Мы зависимы от паттернов как образов исторической реальности и когнитивных "призм", сквозь которые исследователи смотрят на эту реальность в целом (макропаттерны) или на отдельные ее фрагменты (мезо- и микропаттерны). В исследовательской практике паттерны – это теоретико-методологические предпочтения, позволяющие репрезентировать историческую реальность и представления о ней самого исследователя.

Неоклассики полагают, что на историческую реальность можно смотреть сквозь призму разных паттернов. В этом плане паттерны "равны, одинаково правомерны и самостоятельны", историки их не столько выбирают, сколько предпочитают. Поэтому в понимании паттернов "важна не истинность, а аутентичность, то есть что сам автор думает обо всем этом, каким образом и чем именно он убеждает нас в своей правоте" [Гречко, 1995, с. 19–25]. Разнообразие паттернов создает проблемное поле напряженности в исторической науке, порождая научные дискуссии как важнейшее условие ее саморазвития.

Неоклассики исходят из реальности существования исторического прошлого и возможности объективного его познания. Проблема объективности прошлого, то есть адекватной интерпретации исторической реальности, предстает как поиск научной истины. Однако поиск такой истины, задающей стратегический ориентир в деятельности ученого, по мнению неоклассиков, – процесс достаточно проблематичный. Ведь если представлять знание как "отражение" характеристик объекта, то "отражение" это далеко не похоже на зеркальное. Наука "отражает" свой объект, создавая идеальные понятийные системы, которые могут расцениваться в качестве знания того или иного объекта только тогда, когда подвергаются предметной интерпретации. Эти теоретические конструкции обладают собственной логикой построения, отличной от строения своих объектов, что определяет пределы адекватности теоретической модели своему объекту [Зотов, 2003, с. 415–416].

Проблематичность адекватной (полной и точной) реконструкции исторической реальности проявляется в теоретическом плюрализме, который обусловлен тем, что исторические теории выступают различными интерпретациями доступных исторических фактов. Каждая из них, будучи реконструкцией и объяснением некоторого множества исторических фактов, может представляться противоречащей другим реконструкциям и поэтому не имеет права на статус научной истины по аналогии, например, с естественно-научными теориями. Однако вся совокупность таких реконструкций, воссоздавая все более многообразную картину исторического прошлого, на такой статус претендовать может.

Иначе говоря, неоклассики, как и все объективисты, оперируют корреспондирующей концепцией истины. Но научная истина у них всегда контекстна и констатируется при условии принятия методологических постулатов, на основе которых сконструирована конкретная исследовательская ситуация. В целом вопрос о том, что считать истинной в исторической науке, неоклассиками переводится в плоскость представлений об эвристических возможностях ее различных эпистемологических образов, содержащих определенные критерии научности и отвечающих при этом требованиям современных мыслительных коммуникаций [Кротков, 1995, с. 123–124].

Придавая большое значение теоретизированию в историческом исследовании, неоклассики подчеркивают специфику исторических теорий. Во многих научных дисциплинах теории представляют собой индуктивно выведенные на основе изучения фактических данных общие положения, иногда принимающие форму закона. Историки, как отмечают неоклассики, в таком значении понятие теории практически не используют.

Для большинства неоклассиков историческая теория обычно означает интерпретационную схему, придающую исследованию импульс и влияющую на его результат. При этом одни историки четко придерживаются определенных теоретических ориентаций, в русле которых осуществляется интерпретация исторических фактов. Другие признают значение теории только как стимула, отправной точки исследования, но выступают против подгонки под нее исторических фактов [Тош, 2000, с. 218].

Неоклассики отмечают, что использование социальных теорий придает тотальность (однозначность) историческим интерпретациям, которые содержат "реальные элементы истории", но не позволяют осознавать их частичность. Кроме того, социальные теории задают предельный уровень абстракции, что приводит к разрыву между логикой теоретической выкладки и эмпирическим материалом.

Неоклассики считают самой продуктивной в историческом исследовании теорию среднего уровня как точку пересечения теории и эмпирических обобщений. Теории среднего уровня, разрабатываемые историками, не являются производными от социальных теорий. Они представляют собой интерпретации взаимосвязи между социальными структурами и индивидуальными действиями и, следовательно, акцентируют внимание на взаимосвязи объективного и субъективного в исторической реальности.

Специфика исторических теорий среднего уровня состоит также в том, что они носят вероятностный характер и являются по своей природе объективно-субъективным знанием. Объективным в том плане, что его основой выступает историческая реаль-

ность, на которую направлена познавательная активность исследователя с целью ее реконструкции. Субъективным – в том, что это знание несет на себе неистребимую печать времени и личностных качеств историка.

Неоклассики, отказываясь от принципа "нейтральности" субъекта исторического исследования по отношению к его предмету, большое значение придают деятельности самого историка, использующего определенные риторические стратегии в процессе реконструкции исторической реальности. Они отводят субъективности эвристическую роль в первую очередь при выборе исходных методологических оснований исторического исследования, что в конечном счете обнаруживается и в контекстном содержании научной истины.

Под влиянием постмодернистов некоторые неоклассики в ходе исторического исследования большое значение стали придавать текстам и поэтому предлагают компромиссный взгляд на историческую реальность. С одной стороны, они отмечают, что история – это текст, продуцируемый внетекстовой исторической реальностью и имплицитно ее содержащий. С другой стороны, подчеркивается, что предмет исторического исследования всегда выбирается историком раньше, нежели он начинает проявляться в результате исследования, то есть предмет исследования скорее задается текстами, чем внетекстовой реальностью.

В связи с проблемой реального и текстуального некоторые неоклассики, испытавшие определенное влияние постмодернизма, считают, что "реальное" существует независимо от наших представлений о нем и влияет на них. "Но это влияние всегда дискурсивное, и мы должны настоять на том, что история никогда не является нам иначе как в дискурсивной форме, включающей все виды коммуникации" [Жоусе, 1998, р. 247].

Отсюда берет начало "конструктивистский" перелом, наметившийся в историческом мышлении. Историки стали яснее осознавать, что "используемые ими понятия накладывают глубокий отпечаток на реконструируемую ими действительность. Нам известно, что на историческую действительность, о которой мы рассказываем, воздействуют наши вопросы, представления и понятия. Всякая реконструкция прошлого является детищем историка" [Кока, 2003, с. 18–19].

Историки, по мнению неоклассиков, не должны отказываться от претензий своей дисциплины на научную респектабельность, а исторические знания не перестают претендовать на статус научных. Поэтому одна из главных функций профессии историка – внедрение научных стандартов исследования и ограничение интерпретационного своеволия [Тош, 2000, с. 180].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеев А.А. Методология классической историографии. Учеб. пособ. Ставрополь, 2005.
- Анкерсмит Ф.Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.
- Вжосек В. Метаморфозы метафор. Неклассическая историография в кругу эпистемологии истории // Вопросы методологии. 1995. № 1, 2.
- Володихин Д. "Призрак третьей книги": методологический монизм и "глобальная архаизация" (<http://zaborische.narod.ru/history/ghost.html>).
- Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М., 1995.
- Гуц А.К. Многовариантная история России. М.–СПб., 2000.
- Зандкюлер Х.Й. Репрезентация, или Как реальность может быть понята философски // Вопросы философии. 2002. № 9.
- Зотов А.Ф. Истина // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.
- Ионов И.Н. Теория цивилизаций и неклассическое знание (Социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций) // Общественные науки и современность. 2004. № 5.
- Искандеров А.А. Два взгляда на историю // Вопросы истории. 2005. № 4.
- Ищенко Е.Н. Проблема реальности в философском и гуманитарном дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2005. № 2.
- Ким С.Г. В поисках интегральной версии историописания (по материалам немецкой науки 1990-х годов) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 9. М., 2002.

Кока Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире // Новая и новейшая история. 2003. № 3.

Кравцов В.Н. Критика постмодернистской версии исторического знания в английской и американской историографии 1980–1990-х гг. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2000.

Кравцов В.Н. Трансформация оснований профессионализма исторического знания в современном историографическом процессе // Образы историографии. М., 2001.

Кротков Е. Эпистемологические образы научной истины // Общественные науки и современность. 1995. № 6.

Кузеванов Л.И. Неклассическая концепция истории // Российский исторический журнал. 1996. № 3.

Мальковская И.А. Россиеведение: между символом и симулякром // Россия и современный мир. 2003. № 1.

Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002.

Репина Л.П. “Новая историческая наука” и социальная история. М., 1998.

Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001.

Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.

Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерк теории и методологии мироцелостности. М., 1999.

Harlan D. Intellectual History and the Return of Literature // American Historical Review. 1989. Vol. 94.

Joyce P. History and Postmodernism // The Postmodern History Reader. London–New York, 1998.

© А. Лубский, 2009